

III. ИМЕНА ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

§ 35. А. Числительные количественные

В то время как родство числительных в языках других языковых семей, например индоевропейской, легко распознается и тем самым служит явным свидетельством взаимосвязанности соответствующих языков, алтайские языки обнаруживают в числительных крайне незначительное количество общих черт, и даже в близкородственных языках они зачастую полностью отличаются друг от друга, например: маньч. *uḡin* „девять“ (собственно „маленький“), тунг. *jegin* (то же); тюркск. *üç* „три“ (= монг. *üçiken* „маленький, мало“), монг. *gurban* (то же) [*gurban* „канат, сплетение трех (прядей)“; *gurban* „трехлетний“ > тюркск. *qurban* (то же)], тунг. *ilan* (то же) (< *ilča-* „плести“).

Только слова, обозначающие число „четыре“, должно быть, имеют общую этимологию: тюркск. *tört*, якут. *tüört*, чув. *tävat*, монг. *dörben*, тунг. *digin*, *dujin*, маньч. *duin*, кор. *turi*, сев.-кор. *ndujin*, *nduin* ~ *nejin*, *nej* и, вероятно, восходят к некоему праязыковому **do* (SKE, стр. 277). Однако в соответствии с фонетическими законами тюркск. *t-* должно было бы сближаться с монг. *d-* только в заимствованных словах.

Расхождение в наименованиях числительных в алтайских языках в большинстве случаев может быть объяснено культурно-историческими и социальными предпосылками. Различные народы сталкивались в своих торговых операциях с подсчетом самых разнообразных предметов и пользовались при этом выражениями и условными знаками, имевшими тайный смысл. В дальнейшем числительные зачастую стали применяться в качестве имен собственных (см., например, Орхонские надписи и *Manghol un Niuca Tobča'an*), откуда возникла необходимость избегать *ominis causa* одних и тех же слов в другой связи и применять синонимические выражения.

Как первоначально, так и позднее вели, кроме того, счет по пальцам, причем одни и те же числа выражали несколькими различными способами. Те имена числительные, которые вообще поддаются этимологизации, кажется, в большинстве случаев ведут свое происхождение от счета по пальцам (ср. Ramstedt, *Über die Zahlwörter* и SKE, стр. 77, под словом *jel*).

1: монг. *nigen* ~ *niken*, калм. *negü*, даг. *nike* „раз, один“ должно быть поставлено в связь с существительным *peji* „единство, единоподушие“ (откуда глагол *pejile* „объединяться“ и т. д.)⁵⁶. Тюркскому *bir* „один“ этимологически соответствует монг. *büri* „всё, все, каждый“, а маньч. *ешип*, *ешу*, тунг. *ишип* „раз, один“ должно быть того же происхождения, что и монг. **ешип* „переднее“, дат. н. *ешипе*, калм. *öшпö* „впереди, к югу“. Кор. *han* „раз, один“ сближается, вероятно, с маньч. *solio* „одинокий“ (SKE, стр. 60).

2: монг. *qojar* „два“ может быть связано, вероятно, с основой *qoji-* в *qojina* „позади“; должно быть первоначальное значение *qojar* — „следующий, второй“ (ср. лат. *secundus* от *sequor*). Тюркск. *ekî* „два“ представляет собой имя на *-i* от некоей глагольной основы **ek-* < **hek-* < **pek-* „следовать“ и т. д., откуда кор. имя на *-m*, *pegim* (< **pek-im*) „ближайший, следующий“, кор. *pegim t'g* „next place“ > тюркск. *ekinti* „послеобеденное время“ (SKE, стр. 195); с этой же основой должно было быть связано и монг. *ikis* „послед“. Монг. *žigin*⁵⁷ „два“ (ср. *žiči* „вновь, еще раз, вторично“; *žimesün* „беременная“; *žitüge-* „соперничать“; *žitüger* „второй, следующий“ > якут. *sütüör* „сводный“; *žimudasun* „веревка“, все это < **di-*?) может этимологически быть связано с тунг. *žü*, *žüig*, монгол. *žüg* „пара“, монг. *žöbeger* > ордос. *džöwör* „один из двух“, маньч. *žue*, *žuwe*, кор. *tuwur* (< **tü-bur*, ср. айну *tu* „два“ и тунг. *du-te-* „раздваиваться“) (SKE, стр. 274 —).

3: Монг. *gurban* „три“, *gurban* „второй скрученный канат (бечевка)“, *gurbanula-* „сплести три пряди (в косу)“, *gurban* „трехлетний (о домашнем скоте)“ связаны между собой так же, как тунг. *ilan* „три“ связано с основой *ilča-* „сплести“ (ср. монг. *ilagu* „кверштанг“, кор. *il-gor* „семь“ < букв. „три согнутые“), от которой оно было произведено. Кор. *se*, *set* „три“ (*serhin* „тридцать“, *sahil* „три дня“ < *se-hai-la*) встречается в маньч. *sertei* „трезубец“, монг. *serege*, *serige*, *serije* „трезубец, вилка“ > тел. *särä* „гарпун“ (SKE, стр. 225). Ср. еще кор. *tue* „few“ < **tu-se* „2—3“.

5: монг. *tabun*, кидан. *tabun* „пять“ может быть связано с **tä-* *bin*, ср.-кор. *tā* „всё, весь, совсем“ и *tā-sat* < **tä-sasi* „пять“ или *tad-* „замыкать“, где **sas* (~ *-sis* в слове *jesit* „шесть“) первоначально, вероятно, должно было иметь значение „рука, кулак“ и быть родственно с *son* „рука“ (SKE, стр. 258 —). С этими же словами должны быть поставлены в связь маньч. *sun-ža* „пять“, тунг. *sō-lto* „кулак“, гольд. *sosi*, маньч. *susai*, кор. *su'i* „пятьдесят“. Тунг. *tuḡan*, *tuḡan*, *tunga* „пять“ несомненно заимствовано из кит.-кор. *toḡ* „группа из пяти домов“ (SKE, стр. 284). С тюркск. *beş* „пять“ должно быть связано чув. *pilək* ~ *pillək* (то же), казах. *bilək* (то же) (= тунг. лам. *bilän* „запястье“ + *-luq* ~ *-lük*).

6: тюркск. *alty* „шесть“, должно быть, представляет собой существительное со значением „взятие“ от корня *al-* „взять, брать“. Монг. *žirgigan* „шесть“, возможно, родственно с гольд., ольч. *piḡgu*, орош. *piḡu*, маньч. *piḡun*, негид. *piḡun*.

7: кор. pilgor „семь“ = тунг. ilan „три“ + кор. kor „согнутый, сложенный“, букв. „три согнутые“ (SKE, стр. 167). Тюркск. jeti „семь“ от je- „есть“, т. е. букв. „палец-едок“, = „палец для еды“, как монг. dolugan (то же) от doluga- „лизать“, т. е. букв. „палец для лизания“⁵⁸.

8: монг. pajman „восемь“⁵⁹. При счете по пальцам „восемь“, в силу необходимости, обозначалось средним пальцем, поэтому слово, которое легло в основу наименования „восьми“ должно было иметь значение, примерно, „длинный, большой“, как и тунг. žarkun „восемь“ должно было быть связано с žandar „длинный“ и žabdan „змея“. Кор. jedelr ~ jedilr можно разложить на jel „десять“ и *tulr (< tu + ?) „двух недосчитывая“ (SKE, стр. 76), так же, как в тюркск. sekiz хотелось бы усмотреть eki, ср. ekiz, ikiz „близнецы (двойня)“, монг. ikire.

9: тюркск. toqiz „девять“ следует, возможно, связать с монг. toqur ~ tokir „с негибкими пальцами“, причем -z, должно быть, образовалось по аналогии с sekiz. Кор. ahop „девять“ < a „маленький“ + kor „согнутый, загнутый“, т. е. „маленький (палец) согнут“; подобным же образом маньч. ujun „девять“ должно связываться с тунг. ujun „маленький“ (SKE, стр. 65).

10: древним и общим для всех этих языков является, вероятно, тюркск. on „десять“ ~ -an в seks-en „восемь-десять“, toqs-an „девять-десять“, а также -an в монгольском в качестве окончания в žigan „шестьдесят“, dalan „семьдесят“, pajan „восемьдесят“, jiren „девять-десять“ ~ кор. on „сто“ (SKE, стр. 177). Маньч. žuan „десять“, тунг. žan (то же) восходит к маньч., голд. žuan- „открывать“, а кор. jel „десять“ --- к jel-da „открывать“, и имеет, таким образом, букв. значение „раскрытая рука“ (SKE, стр. 77). Монг. arban ~ harban следует сопоставить с глаголом arbalža- < *harbalža- „трепетать, топорщиться, шетиниться“.

11: в др.-тюркск. bir jigirmi „одиннадцать“ мы встречаемся с тем же способом счисления, как в джурч. gurxon „тринадцать“ (< монг. gurban + монг. qorin), durxon „четырнадцать“, маньч. uš-žon „одиннадцать“, маньч. tofoxon „пятнадцать“ (SKE, стр. 259).

20: тюркск. jigirmi „двадцать“ сближается с монгНТ. žirin „два, оба, пара“, от которого нужно считать производным и поныне еще бытующим žirmesün „беременная“ (ср. халх. dabur (то же) < букв. „двойной“, а также gurmusun „тройной, из трех прядей“, dörtmüsün „четверной, четырехразовый“ и т. д. Таким образом, žigirme должно бы быть именной формой от глагола *žigür- ~ žigir- „удваивать“, также якут. sürbä „двадцать“ восходит к *žigürme ~ *žigirmi. Основа монгНТ. ži'irme-de- „удвоиться“ идентична тюркск. žigirme.

30: тюркск. otuz ~ oltuz ~ oltuz „тридцать“, быть может, следует связать с кор. rotari, rottari „узел, пучок“; ср. кор. tirim, turim „стремянка“ < букв. „20 рыб на одну вязку нанизывает“; тюркск. tizim „нитка жемчуга“ (SKE, стр. 277).

Тюркскому on „десять“ соответствует кор. on, которое, однако, имеет значение „сто“, точно так же, как тунгК. žan, сол. d'žan,

маньч. žuwan „десять“ должно быть отождествлено с монг. žagun „сто“. Тунг. pašazi, pašadi „сто“, но также и „мешок, полный мешок, содержимое полного мешка“, т. е. мера (< paš- „нагружать, навьючивать на оленя“) несомненно связывается с др.-кор. pašat „мешок, карман“. Подобно этому, тюркск. jüz „сто“ должно быть производным от глагола jü- „нагружать, навьючивать“ (монг. žüe-, žüge- то же) (ср. со способом словообразования šaga-z, qumu-z и т. д., SKE, стр. 43).

Такие обозначения, как др.-тюркск. буз, уйг. шуз, чув. рип, монг., тунг. šingan „тысяча“, тюркск., монг., тунг. tünän „десять тысяч“ и кор. šimip „тысяча“, слишком уж сходны друг с другом, чтобы являться общим праязыковым достоянием; они должны рассматриваться как языковое достояние довольно позднего происхождения, а в отдельных случаях — как заимствования (ср., например, тохарское tūšane „десять тысяч“).

Б. Числительные порядковые. Наличие общих для всех языков древних характерных черт в порядковых числительных также весьма незначительно. Монгольский использует в качестве порядковых числительных количественные числительные, без каких-либо изменений (gurban sara „три месяца“ или „третий месяц“), хотя обладает, например, и адъективным gurbadaki „третий“ (в прямом значении „который около 3-х находится“), и даже gurbadakiči (в калм. и бурят.)⁶⁰. Тюркский пользуется для образования порядковых числительных окончанием -пс, якут. -s, чув. -тәс, которому, вероятно, предшествует отыменный суффикс -či. В тунг. встречаются образования различного типа, но наиболее употребительным из них является, пожалуй, тип на -i, например: ilan „три“, ili „третий“; к вопросу об образованиях ср. žudu „в доме“ > žudi „тот, что в доме, находящийся в доме“.

Тот же тип образования порядковых числительных мы находим и в маньчжурском, например: uži „верхний конец, начало, верхушка“, uži „первый“; тунг. žai „другие“; маньч. žai „второй, другой“. Наряду с этим в сол., как и в других диалектах, имеется тип образования на *-či (ср. с тюркским -č из окончания -пс), обозначающий „в таком-то году“, например: žütči „во втором году, двухгодичный“, ilasi „в третьем году“ (= маньч. ilaci „третий“ < букв. „тот, что с тремя“), dujusi „в четвертом году“ (маньч. dujusi „четвертый“). Монг. žirmusun (< žirin „два“) „беременная“ < букв. „двойной“, gurmusun „полоса из трех прядей“, но маньч. ilca- (< ilan „три“) „плести (косы)“.

В. Числительные собирательные. Собирательные числительные образуются как в тюркском, так и в монгольском при помощи окончания -agu, -au, например: тюркск. üçai „трое, втрое“, dörtai „четверо“, altai „шестеро“; монг. gurbagula, dörbegüle, žirgagula; чув. vunnä „десятеро, десять“, ср. тюркск. onau „десятеро“, якут. (uon >) onuo. Возможно, это -agu, -au этимологически сближается с глаголом монг. agulža-, калм. ülz- „совпадать“, кор. aorj- „собирать“, aolla „и, вместе“. Встречающееся в мон-

гольских *qojagula*, *gurbagula*, *dörbegüle* и т. д. „оба“, „трое“, „четверо“ и т. д. *-la*, *-le* несет в себе значение общности или то же усилительное значение, которое оно имеет в словах вроде монг. *qotoia* „все“, букв. „весь город“ (< монг. *qoto* „город, огорода, огороженное“); н.-монг. *ханаia* „все“ < букв. „вся община“ (< **kwan-a* = кор. *kwan-ja* „округ Хвана“); н.-монг. *хүia* „все“ [< н.-монг. *хүi*, алт. *qor* „все“, гольд. *loran* (то же)]. То же самое окончание мы видим и в монг. *jekele* „большая часть“, а также, вероятно, и в тюркск. *birlä* „вместе с“, *künlä tünlä* „день и ночь“ и т. д.⁶¹

Относительно монг. *nigente* „для первого (раза), на первое, во-первых“, *qojarta* „во-вторых“, якут. *birtä*, *ikkitä* и т. д. см. § 126.